

Владимир Дараган

Однажды

и другие рассказы



Владимир Дараган

Однажды. И другие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615243

ISBN 9785448360145

Аннотация

Это сборник рассказов о жизни во времена развитого социализма и перестройки, лихих 90-х и спокойных нулевых. Веселых рассказов много больше, чем грустных, – ведь почти в любой ситуации можно улыбнуться – и жить станет легче. Книга могла бы стать автобиографической, будь у автора хорошая память. Однако в своей памяти автор не уверен, поэтому предлагает вам рассматривать эти записи как истории, которые могли случиться с каждым, кто родился во времена СССР.

Содержание

Как начинались «Однажды»	6
Часть 1. Почти счастливое детство	7
Однажды в Вышнем Волочке	7
Что-то всегда проходит мимо	10
Все случается	13
Солнечное утро	15
Собеседница	16
Короткие летние рассказы	19
В тумане или первая охота	23
Женька	29
Часть 2. Веселый школьник	31
Однажды на берегу озера Балхаш	31
Ракеты и штаб	36
Стенгазета	40
Большой телефон	41
Полонез Огинского	42
Однажды в Пушкино	43
Лазер в кармане	48
Пусть всегда будет солнце!	49
Осень в школе	51
Первое сентября	54
О чем говорить по телефону	57
Лестница	60

Однажды в Пушкино – 2	61
Картинки из памяти	64
Фразы на уроках	66
Доска	69
Часть 3. Студенты	70
Инженер-физик (повесть)	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Однажды И другие рассказы

Владимир Дараган

© Владимир Дараган, 2019

ISBN 978-5-4483-6014-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как начинались «Однажды»

Однажды в детстве я прочитал, как одного мальчика попросили написать рассказ. И что бы он ни писал, его рассказ начинался со слова «Однажды». Я не стал оригинальничать и тоже попробовал написать рассказы, которые начинались с этого слова.

Эта книга могла бы стать автобиографической, будь у автора хорошая память. Однако в своей памяти автор не уверен, поэтому предлагает вам рассматривать эти записи как истории, которые могли случиться с каждым, кто родился во времена СССР.

Часть 1. Почти счастливое детство

Однажды в Вышнем Волочке

Однажды у бабушки на чердаке я нашел кучу книг и журналов начала 20-го века. «Ух ты! – обрадовалась бабушка. – А я-то голову сломала, где взять бумагу, чтобы кульки вертеть, когда буду крыжовник продавать».

Однажды я с родителями ехал в поезде, и меня угостили помидором. Попутчик, пожилой мужчина, напрягся и сказал, что он хочет научить меня, как надо их правильно есть. Оказалось, что помидор надо немного надкусить, а потом высосать сок. Тогда он не будет брызгаться. «Понял?» – спросил он меня. Я кивнул, пососал помидор и изо всех сил вонзил в него зубы. Мама потом долго бегала за водой, чтобы отмыть рубашку попутчика.

Однажды мне было четыре года и мама дала мне суп, сказав, что, пока я не доем, из-за стола не выйду. Я сидел и мечтал, что когда я вырасту и буду сам наливать суп в тарелку, то возьму для этого чайное блюдце.

Однажды я придумал новое блюдо. Я макал белый хлеб

в чай, потом в сахар и не понимал, почему бабушка огорчается, что в доме нет колбасы и мяса. Ведь я мог питаться своим блюдом неделями.

Однажды, когда мне было пять лет, родители стали показывать меня гостям как чудо-ребенка. Гости называли день текущего года, а я говорил, какой это день недели. Секрет был прост. Я сумел запомнить дни недели первого числа каждого месяца, а дальше просто считал. Кстати, повторить сейчас этот фокус мне было бы труднее.

Однажды мама спросила, кем я хочу стать. Я подумал и сказал, что хочу стать взрослым и в конце концов перестать есть манную кашу.

Однажды я читал Чехова и захотел стать артистом. Я спросил у мамы о социальном статусе артистов – не слишком ли он сейчас низок, как это было в 19-ом веке? Мама вздохнула и сказала, чтобы я шел делать уроки.

Однажды я спросил у бабушки, почему у нее сложные отношения с соседкой бабой Дуней. «Потому что забор!» – ответила бабушка. Проблема была в ремонте забора, который разделял наши участки. Была многолетняя дискуссия: «если ты строил этот говенный забор, то ты его и отремонтируй» или: «я строил забор, так ты хотя бы чини его». Про-

блема была неразрешимой.

Однажды бабушка сказала: «Вот Дунька какая! Сидит, смотрит, на ребенка порчу наводит!». Соседка любила сидеть у окна, из которого был виден наш двор, и внимательно все контролировать. Когда я узнал слова «немой укор» и «всевидящее око», то сразу вспомнил бабу Дуню.

Что-то всегда проходит мимо

Утром бабушке надо было сварить в печке чугунок картошки и разделить его на три части. Одна часть была для безымянного поросенка, другая шла псу Джеку, третья – нам с дедом. Всем дополнительно полагался черный хлеб, а поросенку еще остатки вчерашнего ужина. Курам давали пшено и хлебные крошки. И так каждый день.

За всю свою жизнь бабушка была два раза в Ленинграде и лишь после смерти дедушки, уже после инсульта, переехала к нам в Пушкино. Дедушка ни разу не выезжал за пределы Вышнего Волочка.

Я лежу на диване с закрытыми глазами и вспоминаю свою жизнь в большом бревенчатом доме. Что бабушка и дедушка хотели от жизни? Что бы их сделало более счастливыми?

Бабушка

- чтобы в продуктовом ларьке каждый день продавали мягкий белый хлеб, масло и вареную колбасу;
- чтобы дедушка приносил с рыбалки не окуньков и ершей, а больших лещей;
- чтобы в саду было меньше прожорливых гусениц;
- чтобы дочери и зятя регулярно приезжали помогать сажать и копать картошку, собирать яблоки, солить капусту и грибы;

- чтобы крыжовник и яблоки можно было продавать не у проходной завода, а прямо у нашего палисадника, сидя на лавочке и болтая с соседкой Клавой;
- чтобы эти проклятые сорняки перестали расти на грядках с редиской и клубникой;
- чтобы у телевизора перестали «бежать» кадры;
- чтобы соседка Дуня перестала бы трындеть насчет ремонта забора, а сама бы взяла и починила!

Дедушка

- чтобы бабушка перестала бухтеть насчет выпивок с друзьями после работы;
- чтобы можно было ходить на рыбалку каждый день;
- чтобы найти деньги и купить мотоцикл с коляской, как у Касьяна, и ездить за грибами на нем, а не на этом чертовом поезде в четыре часа утра;
- чтобы не надо было по ночам сторожить сад от воришек, когда созревают яблоки;
- чтобы по воскресеньям хоть иногда можно было пойти с соседом в рюмочную, а не горбатиться на огороде.

И не надо им было ни виллы в Ницце, ни «майбаха», ни пентхауса, ни пляжей Карибского моря. И не было у них чувства, что вот сидят они в своем доме в дождливый осенний вечер, пьют чай из самовара, а жизнь проходит мимо.

А какого рожна мне все надо? Почему не сидится на ме-

сте? Почему к концу рабочей недели я начинаю с тоской смотреть на север? Мне даже компаса не нужно. Можно повертеться на месте, и куда мне захочется идти, там и север!

Но по пути на север я бы заглянул в старый бревенчатый дом, где раньше пахло сеном, старыми досками и дымом от самовара. Я бы сел за стол, покрытый старой клеенкой, достал из сахарницы кусок рафинада, расколол его щипцами на четыре части, положил кусочек в рот и стал бы прихлебывать чай из большого треснутого блюда. А если бы повезло, то отрезал толстый кусок мягкого белого хлеба, намазал его желтым маслом и сверху положил бы хорошую порцию клубничного варенья.

Все случается

Если в твоей жизни не происходит ничего необычного, то это необычное можно придумать.

Бабушка всю жизнь прожила в Вышнем Волочке – посредине между Москвой и Питером. За всю жизнь она несколько раз прокатилась на поезде – навестить дочек. Ездила она в общем вагоне, и каждый раз во время таких поездок происходили необыкновенные встречи. Ее попутчиками оказывались то министры, то члены ЦК КПСС. Они рассказывали бабушке, что все скоро наладится: пенсии увеличат, а в Вышний Волочек будут привозить много колбасы, сливочного масла, шоколадных конфет и даже парного мяса.

Дедушка пил чай из блюдца, откалывал щипцами кусочки рафинада и кивал. Ему очень нравились бабушкины рассказы, даже если он в них не верил. Меня интересовали конфеты: «Мишка Косолапый» или «Птичье молоко»? Оказывалось, что министр говорил и об этом.

– «Мишка» будет, «молоко» будет, всё будет – уверенно говорила бабушка. – Скоро к нашему ларьку пристроят второй, чтобы все продукты поместились.

Министры и члены ЦК, которые ездили с бабушкой в общем вагоне, оказались правы. Пенсии увеличили, колбаса, масло и конфеты стали продаваться свободно. Вот только с продовольственными ларьками они промахнулись. Второй

ларек так и не построили. На этом месте сейчас магазин с большими стеклянными витринами.

Солнечное утро

Наступает март, и я просыпаюсь утром уже не в темень, как совсем недавно, а когда за окном сияет солнце.

– Мам! – спрашиваю я, – а почему сейчас солнце, а недавно в это время было темно?

– Потому что весна, – отвечает мама. – Доброе утро!

– А почему весной солнце так рано встает?

– Потому что весной оно должно выше на небо забраться. Все, вставай! Умываться, одеваться и за стол!

Мама упреждает поток вопросов про небо и солнце. Я чищу зубы и думаю о свалившейся на меня загадке. Что-то мне подсказывает, что солнце забирается высоко потому, что вокруг тает снег.

Я ем манную кашу и продолжаю думать.

Собеседница

Я никогда не любил быть один, но иногда приходилось. Особенно у бабушки, где друзья жили далеко, и в плохую погоду все сидели по домам. Тогда я стал мысленно разговаривать с героями книг. Книг у бабушки было мало и героев тоже получалось немного. Из «Сказок народов мира» мне понравилась только принцесса. На последней странице какой-то сказки она шла под руку с принцем, который был незамедлительно заштрихован. Мне особенно нравилось принцессино платье, точнее его высокий стоячий воротник сложной формы. Вот за воротник я в нее почти влюбился и пригласил ее к себе в гости.

Сначала я показал ей мой театр, сделанный в почтовом фанерном ящике. Внутри ящик был оклеен невысказанно красивой бархатной бумагой вишневого цвета и освещался цветными лампочками из набора «Юный электротехник». На сцене стояли вырезанные из книжки Буратино и Мальвина.

– Ни фиги себе! – сказала принцесса. – А ходить они могут?

Я показал ей дырку в потолке сцены, через которую, почти незаметно для зрителей, можно было проволокой двигать Буратино. Мальвину я двигать не решался, потому, что она падала при любом прикосновении.

– А как они разговаривают? – спросила принцесса.

Я что-то пропищал, стараюсь подражать голосу артиста из радиопостановки «Золотой ключик».

– А у меня есть настоящий театр! – сказала принцесса. – У нас есть костюмы, музыка... все-все-все есть! Меня мама заставляет играть роль королевы, говорит, чтобы я привыкала. Это мне пригодится.

– Лучше всегда быть принцессой! – уверенно сказал я. – Принцессы красивее.

– А ты много видел королев? – спросила принцесса.

– Четыре, – сказал я. – Пиковую, трефовую, бубновую и червовую... и все они уродливые старухи. И платья у них не такие красивые!

Принцесса поправила свой воротник.

– А где твоя спальня? – спросила она.

Я провел ее в большую комнату, которую бабушка называла «залой».

– Вот! – сказал я и показал на диван, над которым висели фотографии родственников в тяжелых черных рамках.

– Но тут даже подушки нет! – удивилась принцесса.

Я открыл скрипучую дверь шифоньера и показал ей подушку.

– У нас еще аккордеон есть! – похвастался я. – Только я играть не умею.

Принцесса присела на краешек дивана и заскучала.

– Пойдем я тебе сад покажу, – предложил я.

– Я обожаю гулять по саду! – обрадовалась она.

Вход в сад охранял Джек. Я предложил ему познакомиться с принцессой. Джек нехотя вылез из будки, зевнул, потянулся и поплелся к забору пописать.

– Экий ты невоспитанный пес! – возмутился я.

– А почему он на цепи? – спросила принцесса. – Наши собаки бегают свободно.

– А он любит за курами охотиться! – объяснил я. – И еще любит делать подкоп под забор и убежать к соседям ловить их кошку.

– Понятно! – сказала принцесса, и, подобрав платье, прошла в открытую мной калитку.

В саду она немного растерялась. Многое она видела первый раз в жизни.

– А почему у вас сливы растут среди капусты?

– Чтобы место не пропадало!

– А почему у вас так воняет?

– А это вчера дедушка куриный помет под яблони разбросал.

– А почему у вас трава на скошена?

– А чего ее косить? Коровы у нас нет. Кроликов тоже.

Принцесса еще походила немного и остановилась.

– У тебя тут скучно! Ты меня больше к себе не зови, ладно?

На том и порешили. Я взял резинку, стер то, что намулевал на принце, и больше к этой сказке не возвращался.

Короткие летние рассказы

Речка

Мне семь лет. Мы с пацанами бродим по речке и руками ловим пескарей. Речка мелкая – нам по колено. Дно песчаное, вода теплая. На берегу мы выкопали яму, туда набралась вода – это у нас называлось озером. Пескари должны там жить как в аквариуме. Вдруг я оступился и провалился в глубокий омут, о котором все забыли. Ужас! Я погрузился с головой, но всплыл, стал отчаянно бить по воде руками и вдруг обнаружил, что я не тону, а плыву.

Так я научился плавать.

Баня

Рядом с нами совхоз. Там выращивают капусту и еще что-то в теплицах. Совхозные ребята – самые уважаемые. Они везде ходят с ножами и кастетами. Даже купаться. «Совхозные» являются непререкаемыми авторитетами при игре в футбол и во время вечерних посиделок на бревнах около правления.

Сегодня они мне открыли секрет. Родители им дали деньги на баню, но они идут на речку, раздеваются, заходят в воду по пояс и моются с мылом. По реке плывут мыльные пузыри. Совхозные довольны – теперь им хватит на пиво.

Книги

Я обожаю ходить в гости к приятелю. Там масса интересного, особенно в бане. Баню никто не топит – нет любителей. Окна заросли паутиной, на лавках стоят коробки со старыми вещами. Одна коробка с иконами, в другой лежат бокалы и стопки из толстого белого и темно-синего стекла. Если их разбить, то получаются «драгоценные камни», которые можно закапывать, как клад. В других коробках старые журналы и дореволюционные книги по медицине. В журналах много фотографий царского семейства и картинок с германского фронта. Потом мы открываем медицинские книги, внимательно рассматриваем картинки и учимся принимать роды.

К Элизе

В музыкальной школе мне дали задание на лето – выучить наизусть «К Элизе» Бетховена. Мама договаривается с учительницей, у которой есть дома пианино, и уезжает с папой в Пятигорск.

Перед домом учительницы маленький палисадник с георгинами и гладиолусами. Я сижу на стуле за инструментом и смотрю в открытое окно с тюлевой занавеской. Занавеска колыхается от теплого ветра, я вижу приветливое голубое небо, белые облака и листву тополей на улице.

– Не отвлекайся! – говорит учительница. – Сейчас мы будем играть самое красивое место.

Ноты у нее старые, дореволюционные. Бумага пожелте-

ла, уголки потрескались, какие-то места помечены синим карандашом. Учительница перехватывает мой недоуменный взгляд и говорит:

– Когда я была маленькая, то тоже учила «К Элизе» наизусть и отмечала, до какого места я уже выучила.

Индеец

Мама привезла из Москвы колбасу и копченую свиную корейку. Мне отрезали кусок и отправили на улицу. Я залез на клен и принялся жевать эту вкуснятину, представляя, что я индеец и ем сырое мясо. Внизу проходит наш кот Барсик. Он смотрит на меня, принюхивается и залезает на соседнюю ветку. Я отрываю зубами кусок корейки и протягиваю ему. Теперь мы оба сидим на клене и не спеша жуем.

– Барсик – друг индейцев! – говорю я ему.

Барсик проглатывает свою порцию, смотрит на мои пустые руки и не спеша спускается вниз.

– Предатель ты, а не друг индейцев! – обижаюсь я и тоже слезаю.

Сегодня на ужин будет вареная картошка с моей любимой докторской колбасой.

За грибами

Однажды дедушка взял меня за грибами. Я плетусь по мокрой траве, спотыкаюсь о корни, проваливаюсь в мягкий зеленый мох. В корзинке у дедушки термос с чаем, ва-

ренные яйца, огурцы и черный хлеб. Я не хочу искать грибы. Я хочу сладкого чая с огурцами.

Скучно!

Летние каникулы, я живу у бабушки. Идет дождь. Сквозь маленькие окна, заставленные горшками с геранью, видны мокрые листья старого тополя. Все оставшиеся от брата книжки уже прочитаны. Я прихожу на кухню и смотрю как бабушка ставит в печку чугунок с картошкой.

– Что, скучно? – спрашивает она. – Вот погоди, я управлюсь, и мы с тобой в лавку пойдем – сегодня масло обещали завезти!

Излучение

У бабушки квартирант, его зовут Виктор. Он лейтенант, служит на радиолокационной станции. По вечерам Виктор долго пьет молоко и говорит, что это ему прописали врачи. Бабушка слушает его рассказы об излучении на станции и тихонько шепчет мне, чтобы я на всякий случай держался от Виктора подальше.

В тумане или первая охота

– Из носика чайника идет туман, а не пар! – сказал учитель физики. – Пар невидим, а когда мы начинаем его видеть, то он называется туманом.

Сразу померкла романтика комсомольских песен. За туманом не надо было далеко ехать – достаточно поставить на плиту чайник. Я сидел за партой, смотрел в окно и вспоминал далекое туманное утро, когда впервые пошел на охоту.

Я долго готовился к этому дню. Из доски было выпилено ружье. Туда, где у ружья должна быть мушка, я вбил два гвоздя, привязал к ним прочную резинку из набора юного авиамоделиста, а на место целика примотал проволокой бельевую прищепку. С вечера набрал ржавых гвоздей, которые дедушка хранил в деревянном ящике на полке в кладовке, молотком придавал им форму буквы «Г» и сложил их в мешочек из-под крупы, который мне выдала бабушка. Я потренировался в саду и научился с десяти метров попадать гвоздями в ведро, стоявшее на скамейке у колодца.

Утром был туман.

– И куда ты пойдешь? – вздыхала бабушка, вынимая ухватом из печки чугунок с вареной картошкой. – Тут недолго и в Горелое болото попасть. А там, сам знаешь, даже в ясный день сгинуть можно!

– А ты бы пошел с ним, – обратилась она к дедушке. – А то вдруг чего!

– А сливы кто собирать будет? – проворчал дедушка. – Ты же к лесозаводу собиралась.

У бабушки был свой маленький бизнес. Летом она ездила к проходной лесопильного завода, где проработала телефонисткой всю жизнь, садилась на скамейку и ставила рядом корзину с рыжим крыжовником. стакан крыжовника стоил десять копеек. Она прятала монеты в большой коричневый кошелек с защелкой в виде двух никелированных шариков, насыпала ягоды в бумажные кульки, которые она делала из моих старых тетрадей, и протягивала их покупателям. Покупатели постарше ее хорошо знали, спрашивали про дедушку и жаловались, что рыбы в водохранилище становится все меньше, да и за грибами нужно ездить все дальше и дальше.

Осенью бабушка привозила к заводу сливы или яблоки, но их покупали неохотно, и она часто привозила назад почти полные корзины. Ездила она на автобусе, где ей всегда уступали место. Бабушка сидела у окошка, смотрела на серые дома у дороги, вздыхала и украдкой вытирала слезы. Денег не хватало. Дочки помогали, но больше продуктами, которые привозили из Москвы и Ленинграда. Масло и копченую колбасу бабушка относил в подпол, где даже летом было прохладно и где всегда пахло укропом и пыльной картошкой. Вареную колбасу съедали в первый же день. Бабушка

ее обожала. Она отрезала большой кусок белой булки, сверху клала огромный кружок колбасы и все это запивала чаем с наколотым сахаром.

– Как москвичам хорошо, – говорила бабушка. – Они такую вкуснятину могут каждый день есть!

Я допил чай, отломил кусок булки и засунул его в карман.

– Ты бы в тряпицу хлеб завернул, – укоризненно покачала головой бабушка. – А то раскрошится весь, его потом только курам давать.

– Ничего! – крикнул я уже в дверях. – Я побежал, к обеду приду.

В саду была калитка, которая вела на небольшие картофельные поля. Между нашим полем и соседским пролегла узкая дорожка, заросшая лебедой. Картофельная ботва уже начала ложиться, сохнуть и желтеть. Скоро все будут копать картошку и собирать ботву в кучи. Эти кучи как-то умудрялись поджигать, и тогда едкий дым стелился над полями и садами. В костры добавляли сухие ветки, огонь от веток становился выше и жарче. Когда ботва и ветки почти прогорали, мы закапывали в горячую золу картошку и ждали, когда она начнет протыкаться острыми палочками, наструганными специально для такого момента. Бабушка приносила в деревянной миске крупную серую соль и жесткий зеленый лук, покрытый белым налетом. А еще у нее в корзинке лежали большие желтые огурцы и нарезанный черный хлеб.

– Эх... – вздыхал дедушка. – Щас бы...

– Ты сначала заработай на «щас бы», – говорила бабушка, – а потом вздыхай!

За картофельными полями шла пыльная грунтовая дорога, за которой тянулся забор из колючей проволоки. Тут во время войны строили линию обороны, состоящую из бетонных ДОТов, траншей, окопов и столбов, между которыми натягивали ту самую проволоку. Огромные колючие мотки сначала лежали на краю дороги, а потом местный совхоз приспособил проволоку для забора, оградив капустное поле. Смысл этого забора был мне не совсем понятен. Местные жители давно проделали там удобные ходы, через которые выносили мешки крупных белых кочанов для засолки, для зайцев этот забор препятствием не являлся, а оленей в наших местах сроду не водилось.

За капустным полем начиналось знаменитое Горелое болото, куда бабушка ходила за клюквой и брусникой. Сейчас кусты, обозначавшие его границу, были еле видны в тумане, но я туда не собирался. Мой путь шел вдоль высокого откоса, на вершине которого темнели заросшие травой траншеи, потом откос уходил вниз, к речке, вытекающей из водохранилища, и дальше к небольшим рощам посреди лугов с высокой травой. Там я однажды увидел стаю ворон, сидевших на ветках. Ворон собралось много, наверное, около тысячи. Они непрерывно кричали, потом почти одновременно поднялись в воздух, и вокруг стало темно. Стая закрыла небо, и наступили настоящие сумерки. Я тогда очень испу-

гался и решил, что без оружия сюда приходиться нельзя. Сегодня я был вооружен и ничего не боялся.

Туман начал сгущаться. Я шел вдоль речки и смотрел как в ней поднимается вода. Это означало, что недавно открыли плотину, и потоки серой воды, пахнувшей мокрыми бревнами, которые плавали в заливе около лесозавода, ринулись в узкое песчаное русло. Примерно через час вода станет спокойной и прозрачной, а сейчас она несла на своей поверхности всякий мусор. От росы у меня промокли ноги, ружье болталось за спиной на тонкой веревке и натирало плечо. Я взял его в руки, достал гвоздь, натянул резинку и закрепил конец гвоздя в прищепке. Теперь стоит лишь нажать на нее, как гвоздь со свистом улетит вперед, и горе тому, кто встанет на его пути!

Я поднялся на высокий обрыв над рекой, поднял свое ружье, положил палец на прищепку и стал водить «ствол» из стороны в сторону в поисках врагов. Врагов не было, я стоял на обрыве один. Туман заглушал все звуки: я не слышал ни утинового кряканья, ни карканья ворон, ни журчания речки в прибрежных камнях.

– То-то! – сказал я кому-то неизвестному и пошел дальше.

Вот и рощи посреди лугов – моя конечная цель. Трава стала совсем высокой, вдоль тропинки росли лопухи с огромными репейниками. Они цеплялись за куртку, но мне было не до них. Я подходил к тополям, на ветках которых дремали вороны. Они лениво переговаривались и сначала не обраща-

ли на меня внимания. Потом, когда я подошел совсем близко, одна из ворон резко крикнула, и этот крик повторился сотни раз сначала на этих тополях, а потом и на дальних, еле видимых в тумане.

Я присел и постарался скрыться за лопухами. Вороны немного покричали и постепенно затихли. Я понял, что ближе мне подойти не удастся, и стал прицеливаться. Вороны были далеко, попасть в какую-то конкретную птицу было невозможно, и я стал прицеливаться просто в середину кроны ближайшего тополя, в надежде, что ворон много и куда-нибудь я попаду.

– Нет, далеко, – вздохнул я и начал перевязывать резинку, чтобы натяжение было сильнее.

Наконец, все было сделано. Я гвоздем натянул резинку, закрепил шляпку гвоздя в прищепке и снова прицелился.

– Аааа!

Хваленая авиамодельная резинка лопнула, больно хлестнув меня по щеке! Я схватился руками за лицо и стал подвывать, сидя на земле и раскачиваясь из стороны в сторону. Я слышал, как закаркали вороны, как захлопали их крылья и как карканье стало затихать в соседней роще.

Моя первая охота закончилась. Она же была, наверное, и последней. Я много потом стрелял из разных ружей, но никогда не стремился никого убивать.

Женька

Женька жил с матерью в соседнем с бабушкой доме. Он пил, скандалил, дрался, но когда был трезв, то любил философствовать. Через дырку в заборе я залезал к нему в сад, и мы подолгу сидели на теплых серых досках, из которых давно хотели что-то построить, но потом бросили. Женька говорил резко и категорично:

– Я вот вижу свою жизнь наперед. Ну, выпью я еще литров сто, может, даже женюсь и настрогаю детей-дебилов, набью жене морду пару раз, за грибами съезжу раз пять – и все! Больше моя печень не выдержит. А тебе надо отсюда делать ноги. Иначе ты тоже сопьешься. А если сам не сопьешься, то я тебе помогу. Точно помогу!

Женька расстегнул рубашу и задумчиво поскреб ногтями грудь. Его запястье украшала татуировка «Жека», ногти были с черными ободками.

– Отсюда можно выбраться двумя путями, – продолжил Женька. – Поступить в московский институт или устроиться на стройку в Питере или Москве.

– А чего ты не учишься? – спросил я.

Женька не удостоил меня ответом. Он лежал спиной на досках, смотрел в небо и о чем-то думал. Потом, не глядя на меня, тихо сказал:

– В общем, так, сосед. Ты еще мал, память не пропилил, по-

этому запомни: по-человечески можно жить везде, но самое главное... Короче, перед тем, как выпить свой первый стакан, вспомни меня и представь мое будущее. А теперь вали отсюда!

Женька через год повесился в маленькой заброшенной кузнице на краю совхозного поля. Я из окна смотрел как гроб, обитый красно-черной материей, заталкивают в кузов грузовика, как поддерживают плачущую Женькину мать, и не мог поверить, что мы никогда не будем с ним сидеть на теплых досках и говорить о жизни.

Свой первый стакан водки я выпил в девятом классе в школьном туалете, закусив куском черного хлеба с парой килекпряного посола. Женьку я тогда не вспомнил. Вспомнил я его незадолго до окончания школы. Очень вовремя вспомнил!

Часть 2. Веселый школьник

Однажды на берегу озера Балхаш

Однажды мы во дворе играли в прятки. Вдруг ко мне подошла красивая девочка и сказала, что я ей нравлюсь и она хочет меня поцеловать. Я испугался и убежал от нее домой. Сколько лет прошло, а я до сих пор себя ругаю!

Однажды мы жили в бараке в небольшом поселке около озера Балхаш. По соседству жил веселый майор с неработающей больной женой. Никто не знал, чем она болеет, но она постоянно плохо себя чувствовала, и все ее жалели. Майор доставал дефицитные продукты, возил ее в санатории и тоже любил рассказывать, как ужасно она себя чувствует. Они прожили долгую, счастливую жизнь, и она пережила его на три года.

Однажды в четвертом классе я прочитал книжку по астрономии. Вечером я вышел на улицу, посмотрел на звездное небо и мне стало страшно от этой черной бездны. Мои переживания из-за вчерашней тройки показались сущим пустяком. Я решил стать астрономом, а не моряком, как хотел до этого.

Однажды мы жили с родителями в военном поселке в Казахстане. Нам с пацанами перепал мешок цемента, и мы строили во дворе маленький город. Там были «асфальтовые» дороги, дома, бассейны и парки. Как-то раз я пришел домой и сказал родителям, что не хочу быть взрослым. Ведь взрослые никогда не строят такие замечательные города.

Однажды в Казахстане мы переехали в новый дом. Нашими соседями были чрезвычайно энергичные люди. Жена сидела дома и придумывала новые варианты расстановки мебели. Мужу это надоело, и после очередной перестановки он выпилил куски плинтуса в тех местах, где стояла мебель. Тем самым он увеличил свободную площадь комнаты и обезопасил себя от будущих перестановок.

Однажды мы переехали в отдельный дом на берегу озера Балхаш, сразу попали в категорию уязвимых людей и хозяйка соседнего дома стала приглашать нас в гости. Я учился в шестом классе, а ее дочка в пятом. Мне показывали хрустальные вазы, скатанный в рулон ковер и говорили, что у дочки будет хорошее приданое.

Однажды я болел и решил сделать ракету. Я взял алюминиевую трубку, сплющил у нее один конец, набил туда пороху и стал нагревать ее спичкой на кухне. Вскоре раздался

очень громкий БУМ! Лежавший неподалеку парализованный кот, который пил только молоко и ходил под себя, подскочил, взвыл и стал носиться по квартире. После этого он еще прожил долгую и счастливую жизнь.

Однажды в нашей школе организовали хор. Было предварительное прослушивание под угрозой двойки по поведению за неявку. Музыкант нажимал клавишу на рояле и заставлял в резонанс тянуть о-о-о-... Всем он нажимал белые клавиши, а мне нажал черную. Я обиделся и петь отказался, сказав, что под черные клавиши я не пою.

Однажды в шестом классе я стал написать фантастический роман. Герои стартовали на космическом корабле и бороздили просторы вселенной. Они пролетели Луну, потом Марс, Юпитер, Сатурн... Когда они долетели до Плутона, мои знания вселенной исчерпались и роман закончился.

Однажды я выращивал арбуз. Маленький зеленый росточек я поливал пять раз в день, а потом где-то раздобыл большой мешок с химическими удобрениями. Каждое утро я втыкал в землю вокруг ростка большие, серые, отвратительно пахнущие гранулы и ждал, когда арбуз сравняется по размеру с моим велосипедом. Слава Богу, родители забрали меня с собой в санаторий на Черное море, и мне не удалось попробовать эту нахимиченную ягоду.

Однажды в музыкальной школе, куда по недоразумению меня запихнули родители, всех учеников по очереди попросили спеть песню. Я спел очень хорошо и громко. Старый и умный преподаватель послушал и мягко сказал, что я пою замечательно. Только почему-то с тональности на тональность перескакиваю два раза на каждой строчке.

Однажды школьником я сидел на лавочке с приятелями и рассказывал, что астрономия – это самая главная наука.

– Земля такая маленькая, – говорил я. – Не знать космоса – это как жить в маленьком домике в лесу и не знать, что в этом лесу творится.

Один из приятелей сказал, что, по его мнению, астрономия – это самая бесполезная наука.

– Вот давай выкинем астрономию, —предложил он, – и в нашей жизни ничего не изменится.

И все с ним согласились.

Однажды я болел и прочитал «Человека в футляре». Мне этот человек очень понравился. Я нашел у мамы кучу коробочек и разложил в них свое хозяйство. На следующий день я начал читать «Госпожа Бовари». И захотел стать женщиной.

Однажды я увлекся гидробиологией. Я мог целый час

сидеть у лужи, наблюдая, как жук-плавунец охотится за головастиками. Такие слова, как элодея, роголистник, паук-се-ребрянка, дафния звучали для меня как музыка. Мама с ужасом смотрела на вонючие банки с разной живностью, которые заполняли все подоконники. Она долго думала, как бороться с моим увлечением, и придумала: она купила мне книгу по истории ракетостроения. Через два дня все мои жуки и головастики перебрались в родную лужу.

Однажды я услышал радиопостановку о том, как парусный корабль плыл по Саргассовому морю, и моряки нашли там «живую воду». Под впечатлением от талантливой постановки я пошел в кухню и сделал литр живой воды. Она состояла из водопроводной воды, лимонной кислоты, сахара и фруктовой эссенции. Живая вода получилась вкусная, и я, как добрый мальчик, решил поделиться ею с золотыми рыбками, которые плавали у меня в трехлитровой банке. Рыбок спасла мама, которая пришла с работы и успела заменить живую воду на обычную.

Ракеты и штаб

Военный городок в казахской степи. По вечерам неподалеку взлетают ракеты, оставляя в черном небе огромный мерцающий хвост. Женщины сидят на лавочке и смотрят на хвост.

– Хорошо, когда наши ракеты летят.

– А вдруг к нам такая прилетит?

– Хоть напоследок атомный взрыв увидим.

– А у нас дома противогаз есть на такой случай.

Все соглашаются, что с противогазом жить спокойнее.

Нам не до ракет и противогазов. Нам надо строить штаб.

– Досок полно, молоток есть, надо гвозди достать, – говорит Юрка.

Юрка на год всех старше, у него в руке всегда что-то тяжелое. Так, на всякий случай.

– Нам бы ещё оружия, – это Сашка Высоцкий. – Без оружия у нас штаб отберут.

– Стройбатовцам всё пофиг, – говорит мудрый Юрка. – Они ничего не отберут и гвозди нам дадут.

Мы идем к строителям, заканчивающим очередной барак для семейных.

– У тебя сестра есть? – спрашивает меня ефрейтор в запыленной гимнастерке.

– У меня брат.

– Тогда бери гвозди из того ящика и вали отсюда.

Мы берем и валим.

– Я сделаю для штаба гиперболоид инженера Гарина, – мечтательно говорю я, когда первая стена уже готова. – В книжке чертеж есть, я отцовский ФЭД разберу, линзы приспособлю, будет получше, чем у Гарина.

– Влетит?

– Фотоаппарат в футляре, его никто не открывает. Футляр я трогать не буду.

Все соглашаются, что пропажу никто не заметит и что наш гиперболоид будет охранять штаб лучше, чем пистолеты-самопалы.

Через неделю штаб был готов. На стену мы повесили военную карту – ее нарисовал Сашка на обратной стороне плаката «Не стой под грузом». На карте были обозначены все пусковые ракетные установки, аэродром, кинотеатр и наша школа.

– Карта секретная, её надо круглосуточно охранять, – сказал Юрка.

– Давай зашифруем названия, – предложил я.

Все согласились. Ластиком мы стерли слова «Ракетная установка», оставив одни буквы «Р».

– Все равно шпионы догадаются, – сказал Юрка. – Надо дописать «Редиска».

– А я редиску у бабушки в деревне ел, – сказал Сашка. – Горькая она.

– А с аэродромом что делать?

– «Арбузы» – это никто не поймет.

Карта преобразилась и стала зашифрованной.

– Все равно надо охранять, – сказал Юрка. – Как твой гиперболоид?

– Скоро будет готов, – ответил я.

Схема из книжки мне показалась слишком сложной. Угольных пирамидок я не достал, а попытка использовать куски угля из школьной котельной успехом не увенчалась. И где взять параболическое зеркало?

– А это что такое? – спросил Сашка.

Я нашел щепку и нарисовал на земле.

– У меня фара от грузовика есть, – сказала Сашка. – Пойдет?

– Нет, там дырка на самом важном месте.

– А если ее фольгой от конфеты заклеить? – предложил Юрка.

Я подумал и помотал головой. Конфеты и грозное оружие как-то не вязались между собой. Мы решили сделать гиперболоид попроще. Источником света служило солнце, а для фокусировки использовалась лупа. Чтобы смертоносный луч бил горизонтально, я использовал зеркало из маминого хозяйства.

– Где бы лупу достать?

Лупу стащил у родителей Сашка.

– Сильная вещь! – похвалил гиперболоид Юрка, потирая

обожженный глаз. – А ночью ты как врагов будешь убивать?

Мы подумали и решили на ночь уносить секретную карту домой.

Штаб у нас разломали через неделю. Оказалось, что мы его построили на месте, где собирались возводить новый барак. Секретную карту мы сожгли и стали думать, где бы найти пиратский клад.

Стенгазета

Нам с Валеркой поручили оформить стенгазету к 8-му Марта. Мы остались после уроков в пионерской комнате, нарисовали на куске ватмана «8-е Марта» и задумались.

– Нужны картинки красивых теток! – уверенно сказал Валерка.

– У нас дома полно, – вспомнил я стопку маминых журналов мод.

Мы пошли ко мне домой, и работа закипела. Через двадцать минут весь лист ватмана был заклеен вырезанными красавицами в красивых платьях и в пестрых кофточках.

– О, черт! – спохватился Валерка. – А где мы будем поздравление писать?

Для поздравления пришлось отодрать картинку с блондинкой в желтом свитере. Там удалось втиснуть короткое предложение: «Поздравляем всех женщин и учительниц с праздником!».

Большой телефон

Казахстан, далекие советские годы, ракеты, космос, мы впереди всей планеты.

На аэродроме жарко. Около домика с антеннами сидит солдат и ковыряется отверткой в большом зеленом ящике с телефонной трубкой. Мы, пацаны с ободранными коленками, с замиранием сердца следим за этим процессом. Наконец работа закончена. Солдат ставит ящик на землю и смотрит на нас.

– Ну что, хотите позвонить?

Мы растеряны. Звонить, в общем-то, нам некуда. Дома телефонов ни у кого нет.

– А в Москву можно позвонить? – робко спрашивает Юрка.

– Запросто, – говорит солдат. – Какой номер?

Юрка растерян. Номера он явно не знает. Зато знаю я, что все родственники у Юрки живут в Ростове-на-Дону, а не в Москве.

– Эх вы, салажата!

Солдат берет ящик и уносит его в домик с антеннами.

– Надо же, – восхищается Юрка, – прямо в Москву можно позвонить!

Полонез Огинского

Однажды меня записали в музыкальную школу.

– Мама, – спросил я, – а зачем мне там мучиться?

– Представь, – сказала мама, – теплый вечер, цветет сирень, луна, соседи пьют водку, а ты играешь полонез Огинского.

Однажды в Пушкино

Однажды мы переехали в «хрущевский» дом в подмосковном городе Пушкино. Нашими соседями была веселая, выпивающая пара. Он просто улыбался, а она любила выйти во двор и долго петь русские народные песни и арии из опер. По окончании концерта она раскланивалась и говорила, что она певица, а не шлюха, как... – тут она вставляла имена популярных на данный момент артисток. Все с ней охотно соглашались, и наступала тишина.

Однажды перед окончанием музыкальной школы моя добрая учительница сказала: «Володя, у тебя два уникальных качества: великолепный внутренний (?) слух и длинные пальцы. Музыкантом тебе не стать, но дирижер из тебя получится очень хороший». Я посмотрел на свои короткие пальцы и понял, что получил главный урок в своей жизни – урок доброты.

Однажды родители купили мне пианино. Вещь оказалась очень полезная. Когда я подросток, я стал прятать там пустые и полные бутылки.

Однажды родители продали мое пианино. И оно уехало в Тверь, громыхая разбитым стеклом и источая сладковатый

запах прокисшего шампанского и теплой водки.

Однажды, когда я учился в седьмом классе, во дворе нашего дома собралась большая компания местных пацанов. В руках у них были увесистые дубины, а некоторые хвастались заточками из напильников. «Куда это вы собрались?» – наивно поинтересовался я. Мне объяснили, что на танцы. Тогда я не понял, почему надо танцевать с заточками в руке.

Однажды приятели затащили меня в местный клуб на танцы. Лицо у меня было совсем детское, с глазами, не замухннутыми жизненным опытом. «Ой, смотри, дитё пришло!» – вдруг завопила одна раскрашенная девица и ущипнула меня за руку. После этого я две недели мял свои щеки, пытаясь создать на них мужественные морщины и складки.

Однажды мы пили ликер и играли в карты в пустой квартире, хозяйева которой уехали и легкомысленно оставили у нас ключи. Внезапно нагрянули активисты нашего подъезда, которые увидели свет в окнах. Бутылку мы успели спрятать, но ключей от этой квартиры я больше не увидел. Пришлось научиться открывать двери без ключей. Вы даже не представляете, как это просто!

Однажды мы сидели на лавочке и обсуждали, какая девчонка нашего двора самая красивая. Решили, что это Лилька

из четвертого подъезда. У нее было самое красивое пальто.

Однажды я пригласил на свидание самую красивую девочку из нашего класса. Я очень волновался и не знал, о чем с ней разговаривать. Я составил подробный план разговора. Решил начать с рассказа. Если она потом скажет то, я скажу это. Если она скажет это, я скажу то. Это был очень сложный план. Я его выучил и пошел на свидание. А она не пришла. Забыла!

Однажды я нечаянно обнял и поцеловал одну девочку из нашего дома. На следующий день я получил письмо. В нем говорилось, что если у меня серьезные намерения, то мне надо прийти в определенное время в определенное место. А если я человек несерьезный, то мне никуда идти не надо. Я испугался слов «серьезные намерения» и не пошел.

Однажды в школе я увлекся ракетостроением. Мои ракеты с шипением уходили в серое небо и падали в болото около дома. Когда я вынес на испытание самую большую ракету, на нее обратили внимание местные пацаны. Они с гиканьем и воплями отправились сопровождать меня на место старта. По дороге к нам присоединялись все, кто был тогда на улице. Зрителей собралось около 50 человек. Я ужасно волновался, сделал ошибку, и моя ракета взорвалась на старте. Восторгу зрителей не было предела!

Однажды на спор я с места на одной ноге перепрыгнул через табуретку. Это увидел учитель физкультуры и сказал, что у меня большое спортивное будущее. Теперь будущее наступило, но оно не спортивное. Ошибся мой учитель.

Однажды в девятом классе нам устроили контрольную по физике. Тогда физику от химии я отличал с трудом и вместо контрольной предложил своему приятелю поехать в центр Москвы попить вина. На вино нам денег не хватило, но хватило на два билета в Третьяковскую галерею. Так я впервые соприкоснулся с волшебным миром искусства.

Однажды родители подарили мне магнитофон. Окна нашей квартиры выходили на улицу, поэтому я отправился к приятелю. Там мы открыли окно, выходящее во двор, поставили магнитофон на подоконник и стали окультуривать соседей американским роком на полную громкость. А сейчас я люблю тишину.

Однажды в девятом классе я сделал перед контрольной шпартгалку-гармошку. Успех был колоссальным! С тех пор я делал «гармошки» перед каждым экзаменом. Я даже в Америке экзамен по правилам дорожного движения сдавал с «гармошкой».

Однажды на уроке математики мы с Витькой стали считать, сколько дней нам осталось до пенсии.

– Чем вы занимаетесь? – спросил подошедший учитель.

Мы сказали.

– А високосные года вы учитываете?

– О, черт! – огорчился Витька. – Тогда мы точно не доживем.

Лазер в кармане

Однажды я сидел и учил химию. Раздался звонок в дверь – это пришел сосед Юрка.

– Слушай, – сказал он, – я тут со студентом-физиком выпивал, и он обещал научить меня, как самому сделать лазер.

– А на фига тебе лазер? – удивился я.

– Ты чо! – Юрка постучал пальцем по виску. – Представь, ты подходишь знакомиться к девушке, а у тебя в кармане лазер!

Пусть всегда будет солнце!

Класс у нас был дружный и громкоголосый. И все любили уроки пения.

Музыкального слуха почти ни у кого не было, но петь мы любили. Наш учитель, Николай Петрович, приходил с аккордеоном и торжественно объявлял, что мы будем разучивать сегодня. Слов обычно никто не знал, учитель быстрыми закорючками записывал на доске первый куплет с припевом, и мы начинали.

В конце апреля осваивалась песня «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо...». Окна были открыты, солнце заливало класс теплом и светом, настроение у всех было прекрасное.

Мы старались и пели очень громко. На одной ноте, но с воодушевлением. Нам и вправду хотелось, чтобы всегда было солнце. Николай Петрович с силой растягивал меха аккордеона, пытаясь хоть немного нас заглушить.

Я сидел около окна и видел, как внизу стали собираться люди. Они смотрели на наши окна, недоумевая, что там происходит.

Со стороны наш класс напоминал картину, где три десятка молодых львов собрались под деревом и жутким рычанием пытались испугать и заставить упасть на землю аккордеониста, сидящего на ветке. Аккордеонист в какой-то пред-

смертной тоске отчаянно играл, пытаюсь привлечь внимание кого-нибудь, кто был способен разогнать голодных хищников.

Вдруг учитель резко прекратил игру.

Все смолкли и стали смотреть, как он вынул платок и, с грустью глядя на портрет Чайковского, начал вытирать лоб.

– Николай Петрович, что-то не так? – спросила в наступившей тишине Любка-отличница.

Учитель положил платок в карман и вздохнул.

– У меня к вам одна просьба. Поете вы громко, но... не совсем правильно. Вы поете «пусть сИгда будет соНЦе», а надо «пусть ВСЕгда будет соЛНце».

– Только и всего? – обрадовались мы. – Так это... это за-просто... как нечего делать!

И мы грянули песню сначала, не дожидаясь аккомпанемента.

На перемене Витька, мой сосед по парте, сказал:

– Слабоваты нервишки у нашего певуна. Ему надо к нам на урок рисования прийти. Пусть он у Дмитрича поучится, как, несмотря на наши таланты, до пенсии дожить.

Осень в школе

Любовь

Первое сентября. Светит солнце, тепло, я иду в школу и радуюсь, что снова увижу двух девочек из нашего класса, в которых я влюблен. По дороге встречаю другую одноклассницу и тоже в нее влюбляюсь.

Улыбки

Все учителя умыты и красиво причесаны, женщины в белых блузках, необычайно приветливы. Они даже радуются встрече с нами, улыбаются. Пока улыбаются...

Учебники

Первые уроки, новые предметы. Листаю учебник – так интересно, сколько я узнаю в этом году! Листаю дальше... А ведь это все учить придется... Листаю дальше... Да, а канникулы все-таки лучше!

Воробьи

В классе мое место возле окна. Я смотрю в окно и вижу на клене стайку воробьев. Сажу и думаю о воробьях. Мои мысли прерывает учительница: «Дараган, куда ты смотришь?». Я показываю ей на воробьев. Теперь туда смотрит весь класс.

Надо читать

Первый урок литературы. На лето нам дали список книг для чтения. Эти книги я не читал. Я даже список книг не читал. Сразу портится настроение – а вдруг спросят? Попросили поднять руки тех, кто все прочитал. Подняли двое. Настроение улучшилось.

Старый

Урок физкультуры, прыжки в высоту. Я прыгаю «ножницами» 150 см. Подходит учитель и советует мне идти в секцию. Потом думает и говорит, что уже поздно. Я уже старый для большого спорта.

Алгебра

Октябрь, пасмурно, идет дождь. В классе зажигают свет. На доске нарисованы параболы, изучаем квадратные уравнения. Тоска смертная! Тоска исходит от самого учителя, который, наверное, эти квадратные уравнения ненавидит... а $x^2 + 6x + 9 = 0$... Сосед по парте рисует голую женщину в тетрадке. Женщина получилась некрасивой, но я не критикую, у меня и так не получится. Дождь за окном продолжается.

Практика

Производственная практика на телефонной станции. Нам

рассказывают о шаговых искателях. Зачем мне надо знать о шаговых искателях, я не понимаю. Сосед тычет меня в бок и говорит, что если взять телефонную трубку с проводами, то можно куда-то подсоединиться и слушать чужие разговоры. Я зеваю. Зачем мне надо слушать чужие разговоры, я тоже не понимаю.

Любимый урок

Урок экономической географии, мой любимый. Учительница всегда весела и энергична, она умеет рассказывать о горно-обогатительных комбинатах, как о далеких галактиках. Я просыпаюсь, слушаю ее с открытым ртом, ничего не запоминаю, но слушаю с удовольствием.

Мне рассказали

Однажды в школе староста класса полюбил одноклассницу. Он вздыхал, его мысли были заняты только ею. После уроков было собрание. Все уже собрались, но его девочка опаздывала. Учительница спросила старосту, почему он не начинает собрание. «Так ведь никого еще нет!» – удивился староста.

Первое сентября

Я всегда обожал первое сентября в школе. Чистые тетради, новые учебники, внушающие уважение моей головушке, которая все это узнает, запомнит и забудет.

После каникул

Веселые одноклассники, радующиеся окончанию городской летней сесии. Девчонки за лето похорошели, и мы стараемся им соответствовать. Я прыгаю через стул, потом Бердянов за ножку этот стул поднимает, Сысоев десять раз отжимается на одной руке. Девчонки на нас не смотрят. Они собрались в кружок около окна и щебечут о чем-то, почти взрослом. До меня доносится:

– Ага, не ревнует и не следит. Нагнулся за кустами, а жопа торчит.

– На уроке я туфли буду снимать. Мне только мозолей не хватает.

– А ко мне в автобусе старый козел прижимался...

Пуговка

Учителя напоминают, что мы учили в прошлом году. В классе жарко. Биологичка растянула кофточку на одну пуговку больше, чем обычно. Наше внимание приковано к этой пуговке.

Электричество

Физик рассказывает про статическое электричество.

– Эбонит! – повторяет за ним Бердянов.

Все смеются.

Станешь красивой

На урок анатомии принесли скелет.

– Красивый какой, – говорит сидящая сзади Томка. – Худенький!

– Поживешь и тоже такой красивой станешь, – философски заявляет мой сосед Витька.

Томка бьет Витьку учебником по голове.

Масштаб личности

Учитель литературы рассказывает о вечерах Маяковского в Политехническом музее. В классе тишина, прерываемая хихиканием.

– Это учить не надо, – говорит учитель. – Это для представления масштаба его личности.

Я не понимаю, почему грубые хохмочки Маяковского показывают его масштаб, но слушаю с интересом.

Физкультура

На первый урок физкультуры никто не принес форму. Нас рассаживают в спортивном зале и читают лекцию о правиль-

ном образе жизни.

– Спорт – это не только поездки за границу и модные тряпки. Это еще и работа. Появилась свободная минутка – сделай пять приседаний. Устал делать уроки – сделай километровую пробежку. А с гантелями мужчина вообще никогда не должен расставаться.

– Это как? – не понял Витька.

– Вот ты сидишь, скрючившись, решаешь задачи по какой-нибудь алгебре, а гантели должны лежать рядом со стулом.

– Это поможет, – кивает Витька.

О чем говорить по телефону

Мы с родителями въехали в новый дом, и я первым делом пошел во двор с кем-нибудь познакомиться и узнать, какая тут компания и чем они занимаются. У подъезда на лавочке сидел Юрка – его я знал раньше, поэтому знакомиться было не надо.

– Привет! А почему никого больше нет?

– Дома сидят, в окошки смотрят, как буржуи.

Я и правда заметил, что на нас смотрят несколько пар девичьих глаз, слегка замаскированных занавесками. Почему они смотрели, как буржуи, я не понял, но Юрка был старше, и я ему верил. Девицы меня не интересовали, я сел рядом и стал ждать развития событий.

– Мне никак стол не купят, – пожаловался Юрка. – Уроки делаю на кухне.

– А я на подоконнике, – сказал я. – Мне тут купили набор «Юный связист», и я на подоконнике собрал два телефона. Они звонят, и можно разговаривать.

– Ух ты! – сказал Юрка. – А давай между нашими квартирами связь проведем.

Сказано – сделано! У нас с ним все быстро получалось. Вскоре я сидел у окна, прижимал трубку к уху и нажимал кнопку вызова. Вторым ухом я слышал, как из Юркиной квартиры доносятся трели звонка.

– Аллё! – наконец услышал я. – Ты меня слышишь?

– Ага, а ты меня?

– Слышу.

– Теперь будем звонить друг другу. Позвони теперь ты.

Я положил трубку на рычаг и стал ждать звонка. Звонок был громкий, но это меня радовало. Его можно было услышать даже из ванной.

– Аллё, вроде связь нормальная.

– Ага!

Мы замолчали. Беседовать больше было не о чем. Никаких событий не происходило, а говорить об уроках было запаadlo.

Телефоны постояли еще несколько дней, потом мы вынули из них батарейки, которые понадобились для фонариков. Фонарики были нужны по вечерам, когда мы лазили на соседнюю стройку за карбидом. Куски карбида мы бросали в лужи и смотрели, как здорово они пускали пузыри.

Прошло несколько лет, нам поставили настоящий телефон. Я поделился радостью со своей девушкой, сказав, что теперь мы сможем с ней легко договариваться о встречах. Заодно я рассказал про наш с Юркой телефон, и про то, как мы не знали о чем беседовать.

– Это не проблема, – сказала девушка. – Я тебя научу.

Уроки оказались простыми и понятными. Уже через неделю я часами сидел с трубкой в руках и что-то лепетал в свое оправдание. Я даже не представлял, насколько разнообразна

может быть моя вина! Я был виноват в том, что не позвонил, когда она ждала моего звонка, или меня не было дома, когда звонила она. Я всегда говорил не те слова или не с той интонацией. Меня неизвестно где носили черти в то время, когда нужно было позвонить и сказать «спокойной ночи», ведь это так просто позвонить и сказать «спокойной ночи», когда ей грустно и она сидит одна, глядя в темное окно. И где я был в тот момент, когда она пошла в магазин и потом оттуда одна тащила две огромные сумки? И почему я всем по телефону решаю задачки по математике, а вот когда ей понадобилось разобраться в простейшем уравнении, то мой телефон был занят?

Да, я был виноват во всем, и прощения мне не было. Я являлся постоянным источником плохого настроения моей девушки. Я просыпался, лежал в кровати и чувствовал, что с каждой минутой становлюсь все больше и больше виноватым. Но иногда ко мне в голову закрадывалась крамольная мысль, что если бы у нас не было телефонов, то я бы делал меньше промахов.

А может, я был бы даже счастливым? Хотя такого, наверное, никогда не будет. Телефоны не запретишь, и стоит только поднять трубку...

Лестница

Я обожал лестницу в нашем новом доме. Площадки были выложены красивыми розовыми керамическими плитками, углы которых соединяли вишневые плитки поменьше. А какие были перила! Блестящие, гладкие, покрашенные в кирпичный цвет. По ним было так замечательно катиться вниз, чем я и занимался каждый день по несколько раз.

А однажды ко мне в гости пришли два одноклассника, одного из них звали Витя. Мы сидели на лестнице, и они расспрашивали меня о девочке Оле, которая жила на первом этаже. Потом один из них взял ножик и нацарапал на перилах «Витя + Оля».

– А чему это равняется? – спросил я.

– Пока не знаю, – ответил он.

– Ты зря это тут написал, – сказал я. – Она ведь на первом этаже живет и сюда не ходит.

– А вдруг она захочет к тебе прийти! – сказал одноклассник, убирая ножик. – Пройдет, прочтает и повернет назад.

Прошло несколько лет, и в подъезде начали делать ремонт. Надпись «Витя + Оля» была кое-как замазана, и только я мог найти и прочитать ее.

А девочка Оля ко мне не приходила. Она вышла замуж за парня по имени Витя. Но это был другой Витя.

Однажды в Пушкино – 2

Однажды в девятом классе мы с приятелем стали планировать самостоятельное путешествие на Черное море. План был простой: неделю загорать, чтобы стать красивыми, а потом познакомиться с девушками. В плане был только один изъян. Основательно проанализировав картинки журналов мод, мой приятель хотел знакомиться только с девушками из Эстонии, а я с француженками.

Однажды в школе я стал тренировать память и выучил наизусть «Демона» Лермонтова. А через неделю забыл.

Однажды я сидел дома, когда по радио передавали комсомольские песни. Через полчаса я захотел все бросить и поехать на какую-нибудь сибирскую стройку. Остановило только то, что военкомат снял бы меня прямо с поезда. До начала строительства.

Однажды я окончил музыкальную школу, и собрался идти на прощальный вечер. Узнав об этом, мой приятель сказал, что пойдет со мной. «Что ты там забыл?» – удивился я. – Ты ведь ноту «до» от скрипичного ключа не отличаешь». «А ты зато ничего не понимаешь в девочках из музыкальной школы!» – ответил приятель.

Однажды в Пушкино поставили памятник борцу с детской беспризорностью. Худой мужчина в шинели обнимал за плечи такого же худого, взъерошенного мальчика. Мимо памятника торопливо шла мамаша и тащила за собой пятилетнего мальчугана. «Мама, – спросил мальчик. – А кому этот памятник?». «Ленину!» – ответила спешащая мама. «А рядом кто?» – не унимался мальчик. «Карл Маркс!» – сказала мама и потащила мальчика дальше.

Однажды я приехал на каникулы к бабушке и дедушке. Я уже был большой, и дедушка впервые решил поговорить со мной, как со взрослым. «У тебя физкультура в школе есть?» – спросил он. «Ну да, конечно!» – ответил я. «Это самый главный предмет! – сказал дедушка. – Я вот физкультурой не занимаюсь и вчера из лодки на берег не смог выпрыгнуть».

Однажды я решил, что у моего приятеля плохо с логикой. Мы были напарниками по игре в карты, и он шепнул, что может сдать мне королей.

– А тузов не можешь? – спросил я. – Если можешь королей, то тогда можешь и тузов?

Оказалось, что с логикой плохо у меня. Приятель чуть обрезал правые края у карт с королями, поэтому он мог их выделить. А с тузами он не успел ничего сделать.

Однажды перед выпускным вечером в школе я поехал с родителями в магазин покупать туфли. Директором магазина был наш знакомый, и он поинтересовался, кем я собираюсь стать. Узнав, что я хочу быть физиком, знакомый поморщился и сказал, что он уже старенький и долго не сможет помогать мне покупать хорошую обувь.

(Эту миниатюру уже не понять тем, кто вырос после СССР).

Картинки из памяти

Жадный

Шестой класс, идет урок математики. Передо мной сидит самая красивая девочка в классе. У нее короткие темно-русые волосы, и от нее всегда пахнет чем-то вкусным и загадочным. Когда она на меня смотрит, то мое горло пересыхает. Она поворачивается и просит резинку. Резинка лежит передо мной на парте, но я не могу вымолвить ни одного слова. «А я не знала, что ты жадный!» – говорит она.

Пинжак

Зима, холодно, привокзальная площадь у маленькой станции около Загорска (Сергиева Посада). В магазине «Вино-Воды» у входа мокрая тряпка, на полу грязные лужи. В очереди местная женщина неопределенного возраста с заплаканными глазами говорит другой: «Куплю своему оболтусу пинжак и белую рубашку – теперь это модно. Мне – две красного! (это уже продавщице). Может, пить меньше будет!».

Кинг

Пляж в Пушкино. Солнце припекает, хочется пить. Мы с пацанами сидим на одеяле и играем в кинга. Выигравшие идут купаться. Проигравшие сначала сидят в расстройстве, а потом тоже идут купаться.

Первая вечеринка

Восьмой класс, первая вечеринка без родителей. Девчонки сидят на диване и стульях. Мальчишки столпились вокруг радиолы и рассматривают пластинки. На столе стоит бутылка вина, пустые стаканы и ваза с апельсинами. Никто не решается открыть бутылку. Пригласить девочку на танец тоже неловко. Хочется уйти домой, но что-то внутри волнует и удерживает. И непонятно, о чем надо разговаривать.

Хорошо-то как!

Летний вечер у реки. Тепло и тихо, только вдали квакают лягушки. Темные силуэты деревьев загораживают часть звезд, но Млечный путь виден ясно. Над дальним берегом восходит луна, на реке появляется мерцающая серебристая дорожка. Я стою на берегу и вдыхаю свежий воздух, пахнувший водой и цветами. К реке подходят двое. Они сначала молчат, потом доносится женский голос: «Ой, бя! Хорошо-то как!». И речка снова окутывается тишиной.

Фразы на уроках

Химия

– У нас с вами первый урок по химии. Химия – это основная наука. Оглянитесь вокруг – все сделано с помощью химии. Но у меня сейчас другой вопрос. Кто поставил на кирпичи мой «запорожец»?

Физика

– Скоро у вас экзамены. Давайте рассмотрим задачу на повторение. Ты улыбаешься потому, что задача слишком легкая, или потому, что у тебя соседка очень красивая?

Литература

– Что это у тебя? Шпаргалка-гармошка? На все произведения русской литературы одна шпаргалка? А, на «Войну и мир» у тебя отдельная! Ну ладно. Я тебе и Конькову хочу дать совет: на экзаменах в вашем физтехе не выбирайте тему по русским классикам. А по советским – тем более. Вы уж что-нибудь там на вольную тему про советского человека в космосе или во льдах Арктики.

Математика

– А ведь из тебя ничего путного не получится! Ты вроде как решил все задачи, но в каждой сделал арифметическую

ошибку. Тебе впору в первый класс идти.

Пение

– Вот вы, великолепная семерка, вы на сцене рты открывайте, но ни в коем случае не пойте!

Рисование

– А ну-ка, вот ты, иди к доске! Нарисуй нам круг и... Что это!?! Представь, что у тебя дети, и они просят тебя нарисовать круг. А ты им что нарисуешь? И какой из тебя будет воспитатель?

Физкультура

– Какая у тебя любимая беговая дистанция? Неправильный ответ. Ты прыгун в высоту и должен любить бегать на 100 метров. Вот встал утром, пробежал 100 метров, и день прожит не зря.

География

– Да, Америка не такая большая, если присмотреться к глобусу!

Астрономия

– Малая Медведица, как бы наливает в Большую Медведицу. Что наливает? Ну что у нее есть, то и наливает.

Немецкий язык

– Ваша задача к экзамену – научиться читать с выражением, как будто вы понимаете, о чем идет речь!

Доска

Мы с приятелем идем вдоль дома, на котором висит мемориальная доска. На доске написано, что тут или жил, или бывал какой-то пламенный революционер. Приятель останавливается, внимательно читает надпись, потом достает из кармана ключи и царапает на кирпичной стене слово из трех букв.

– Это еще на фига? – спрашиваю я.

– Про меня такую доску не повесят, а так хоть какая-то память останется, – говорит он.

Часть 3. Студенты

Инженер-физик (повесть)

Юрка и шахматы

– Ты знаешь, сколько получает чемпион мира по шахматам? – спросил Юрка.

– Сколько?

Юрка назвал цифры, которым я не поверил. Попытался сравнить эти цифры с зарплатой моих родителей и не поверил еще больше.

Юрка сидел на софе и поглаживал коленкор обложек двух толстых серых книг. «Избранные партии Алехина» прочитал я на обложке.

– Алехин – это кто? – поинтересовался я.

– Чемпион мира, – ответил друг.

– И он тоже столько получает?

– Он уже умер. Но, наверное, получал немало.

– Погиб на рабочем месте?

– Почти. Я вот решил стать чемпионом мира по шахматам, – серьезно сказал Юрка.

– Я тоже хочу таким стать, – сказал я, вспомнив зарплату чемпионов.

– Чемпион может быть только один, – Юрке явно не по-

правило мое желание. – Ты можешь быть только вице-чемпионом.

– А вице-чемпионы хорошо зарабатывают?

– Я думаю, что неплохо, – утешил меня Юрка.

Юрка и шахматы – это казалось несовместимым. Он был старше меня на год, у него уже были женщины, он мастерски играл в карты и пил водку как взрослый. Еще совсем недавно мы с ним планировали поехать на Черное море, где он обещал научить меня разговаривать с красивыми девушками. По вечерам мы записывали в толстую тетрадку всякие шутки и умные мысли, чтобы не ударить в грязь лицом на сочинских пляжах. Бедные девушки и не подозревали, какое мощное интеллектуальное оружие было заготовлено в наших головах. Узнав о наших планах, мама купила мне красивую рубашку, которую я убрал в шкаф и решил к ней не прикасаться, пока билет Москва-Сочи не будет у меня в кармане.

Шахматы явно ставили крест на наших планах. Юрка перестал приходить ко мне по вечерам. Он сидел за шахматной доской, двигал фигуры, заглядывал в книги и быстрыми шагами шел к своей цели. Корона чемпиона мира почти сверкала на его голове.

– Я вот что решил, – сказал Юрка через неделю. – Тут всяких дебютов напридумывали, сам черт голову сломит. Я выучу только два, но очень хорошо. Черными я буду играть «французскую защиту», а белыми – «английское начало». Я

посмотрел, там ходы простые, и половину я уже выучил.

Я листал книгу по дебютам и понимал Юрку: в школе стихотворение «Мцыри» толком не выучишь, а тут страницы за страницами. До этого мы с ним съездили в букинистический магазин, откуда я привез стопку книг, на страницах которых были нарисованы шахматные доски. Касабланка, Чигорин, Ботвинник, Петросян – эти люди вошли в мою жизнь и на время затмили приятелей, которые махнули на нас с Юркой рукой. Теперь вечерние драки с новодеревенскими обходились без нашего участия. Я выучил первые пять ходов всех дебютов и научился избегать «детского мата». Дальнейший прогресс немного затормозился, но для будущего вице-чемпиона мира по шахматам и это было неплохо.

Юрка записался в шахматную секцию при Дворце пионеров имени Зои Космодемьянской на Большой Полянке и скоро получил разряд. Он показал мне серую справку, подтверждающую это важное событие, и сказал, что до матча на первенство мира ему оставалось совсем немного. У меня разряда не было. Моя задача была скромнее – научиться не проигрывать Юрке ферзя на десятом ходу. Юрка не хотел со мной играть. Он говорил, что после пятого хода я играю не по книжкам и он теряет со мной квалификацию. Я пытался подглядывать в справочники во время игры, но Юрка сказал, что вице-чемпионы должны все помнить наизусть. Ужас какой-то! Я снова засел за книги и выучил уже не пять,

а семь ходов всех дебютов.

Родители увидели мои книги и купили новые шахматы. Фигуры у этих шахмат были большие и пахли лаком, который застыл каплями на шершавой поверхности, пряча многочисленные занозы. Шапочки у ферзя и короля быстро отвалились и потерялись. Это сначала меня расстроило, но потом я даже обрадовался. Я уверенно различал короля и ферзя даже без шапочек, чего нельзя было сказать про папу, который их все время путал, что позволяло мне ставить ему неожиданный и красивый мат.

А Юрка продолжал удивлять шахматный мир. С двумя выученными дебютами он уже получил второй разряд. Я выучил по десять ходов всех дебютов и около пятнадцати ходов «испанской партии», которую решил взять на вооружение. После этого я попытался сыграть в турнире, который был организован во Дворце пионеров. Юрка тоже снизошел до этого турнира. Там он блистал, как бриллиант, потерянный на сочинском пляже, куда мы так и не попали. Перед началом турнира наши приятели умылись, положили кастеты в карманы и отправились нас сопровождать. Мы с Юркой сидели за досками и двигали фигуры. От волнения я забывал нажимать на кнопку часов и удивлялся, почему мой противник так долго думает. Наши приятели притомились ждать в коридоре, они стали заглядывать в игровой зал и даже подходили к нам, демонстрируя мускулы нашим противникам. После этого мой противник стал вежливо нажимать кнопку

часов, когда я забывал это делать, и один раз не нажал свою кнопку, позволив мне обдумать гениальный ход.

Не выиграть с такой поддержкой мы не могли! Наши пацаны пожали нам руки и сказали, что с такими хлюпиками, как наши противники, они бы справились минут за пять. Но и мы тоже не уронили славу нашего двора, и по этому поводу решено было как следует выпить.

Я не помню, что и сколько мы тогда пили, но помню, что в тот вечер я открыл книгу Даниила Гранина «Иду на грозу», и шахматы стали постепенно исчезать из моей жизни.

Секретная лаборатория

– Ты дельную книгу читаешь, – сказал Юрка, показывая на учебник по неорганической химии для студентов сельскохозяйственных институтов, лежащий у меня на столе. – Тут у нас с пацанами идея появилась, и твои знания сейчас очень нужны.

После книги «Иду на грозу» я решил стать физиком. Перед тем как заснуть, я представлял себя стоящим у доски с написанными формулами. Я говорил что-то умное, и седые ученые, открыв рты, слушали меня, еле удерживаясь от аплодисментов. Книг по физике дома не было, но я где-то раскопал учебник по химии и часами мог его листать, разглядывая картинки с колбами и ретортами. Физика мне так и представлялась: много стеклянной посуды и красивые разноцветные жидкости. Текст я не читал, мне вполне хватало карти-

НОК.

– Мы вчера сидели на лавочке и придумали, как можно быстро разбогатеть, – продолжил Юрка. – Ты представляешь, сколько денег лежит в телефонах-автоматах в конце дня?

– Нет, не представляю, – пробормотал я, не понимая, какое отношение имеет неорганическая химия к телефонам-автоматам.

– Рублей по 30—40 набегает! – торжественно сказал Юрка. – Если мы научимся вынимать копилки, то скоро разбогатеем! Но сзади у автоматов есть тревожная кнопка. Снимать его со стенки нельзя. Нужно придумать такое вещество, которое растворит стенку автомата и откроет копилку.

Я представил себе нашу компанию темной ночью с банкой растворителя в руках и с ножами в карманах. Мы и без банки выглядели устрашающе, а если с банкой... Но потом мне в голову пришла гениальная мысль.

– Это все можно сделать, но нужна лаборатория. Секретная лаборатория!

И дело завертелось. В подвале нашего дома были маленькие клетушки, сколоченные из досок. Там жильцы хранили картошку и квашеную капусту. Мы нашли свободный уголок, с ближайшей стройки стащили доски, и скоро вся наша компания стучала молотками, строя лабораторию. С особой любовью сооружался топчан для отдыха молодых ученых. Его тщательно испытали на периодические нагрузки,

украсили красной бумагой и повесили над ним картинки девушек в купальниках – для отдыха усталых глаз исследователь. Лабораторный стол для опытов тоже подвергся суровым испытаниям. Было установлено, что он запросто выдерживает несколько бутылок, стаканы и пару банок рыбных консервов.

Наконец, лаборатория была готова. Мы провели туда свет, я принес учебник по неорганической химии, пацаны скинулись, и я отправился в магазин химреактивов на Никольской улице (тогда 25-го Октября) для закупки оборудования.

– Мальчик, зачем тебе два литра серной кислоты? – спросила продавщица.

– Мама попросила, тараканов надо травить, – нашелся я.

Такой ответ ее полностью удовлетворил. Банки с кислотами и щелочами встали на полку. Все это напоминало игру в дочки-матери. Мы слишком долго строили «домик», то есть лабораторию, а когда все было готово, стало непонятно, что делать дальше. Пацаны сидели на топчане и смотрели, как я смешиваю кислоты и щелочи. Иногда смеси шипели и брызгались во все стороны, это вызывало у присутствующих неопишуемый восторг. Я рассказывал им про строение вещества, про мир молекул, пацаны согласно кивали и просили еще раз сделать так, чтобы шипело.

Однажды Юрка пришел ко мне с перевязанным глазом.

– Понимаешь, – сказал он. – Мы без тебя решили провести эксперимент, смешали кислоту с пивом, а она как брыз-

нет!

Глаз Юрке спасли, но после этого случая исследования стали затухать, потому что пацаны придумали новый способ обогащения – стали спекулировать билетами на футбольные матчи. Это история интересная, но к физике она не имеет никакого отношения.

Ближе к физике

После окончания работы в «секретной лаборатории» я решил повысить свой образовательный уровень. В районной библиотеке взял книжку по теории относительности Эйнштейна, прочитал ее, не понял ни одного слова, но книжка мне все равно понравилась. Она еще долго лежала на моем письменном столе, и рядом с ней я чувствовал себя умнее.

На уроках математики был тихий ужас. Занятия спортом, гулянье по темным улицам и распивание водки на лавочках не пошло на пользу математическим наукам. Как я умудрялся ускользать от двоек на контрольных – осталось загадкой! Каким-то чудом я «решал» тригонометрические уравнения, не зная, чем синус отличается от тангенса. Но при этом гордо посещал «математический» кружок. В нашей школе его вел зачуханный студент Бауманского института. Студент что-то бубнил у доски про тройные интегралы и производные векторов, я записывал длинные формулы и чувствовал себя полным идиотом.

Думаете, меня это огорчало? Ничего подобного! В это

время я разрабатывал прибор для подслушивания разговоров. Это, как я сейчас понимаю, был микрофон направленного действия. У меня появился учебник физики для студентов медицинских вузов, и оттуда я старательно переписывал в свой блокнотик формулы по акустике. В этих формулах я ничего не понимал, но такое священнодействие мне очень нравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.